

Имя Всеволода Владимировича Крестовского (11 [23] февраля 1840, село Малая Березьянка, Киевская губерния – 18 [30] января 1895, Варшава, Царство Польское) у современного любителя литературы и телевидения обычно ассоциируется с романом «Петербургские трущобы», по которому был снят в 1994 году телесериал «Петербургские тайны» (режиссёры В. Злобин, М. Орлов, Л. Пчёлкин, авторы сценария – М. Угаров и Е. Гремина). Этот сериал за прошедшие годы многократно «прокручивался» по телевидению, и он приобрёл большую известность.

Для рядового читателя и телезрителя В. Крестовский предстает как мастер исторического детектива. Вроде бы как предшественник Бориса Акунина-Чхартишвили, хотя последний

Всеволод Владимирович
Крестовский

вряд ли ходил по притонам и разным тёмным местам, в которые В. Крестовский действительно погружался, иногда в сопровождении друзей из полиции, а иногда в компании Н.Г. Помяловского. Но Помяловский действительно любил выпить и закусить, а Крестовский зорким взглядом осматривал эти злачные места, острая память о которых ему пригодилась впоследствии. Сегодня, глядя из исторического далёка, эти блуждания молодого Крестовского по кабакам и притонам напоминают мне хождения в таких же социальных «агрегациях» Сергея Есенина и молодого Леонида Леонова, которые

обернулись такими же творческими успехами: «Москва кабацкая» и роман «Вор» соответственно. А если ещё вспомнить «На дне» Максима Горького, то ниточка будет почти непрерывной. Исследования социального «дна» всех этих, да и многих других писателей (В. Гюго, Э. Золя и т. д.) приводили к широким социально-философским обобщениям.

Начнём с биографии. В.В. Крестовский происходил из дворянского рода, но, вообще говоря, пересказывать его биографию не имеет смысла, главное – он сам творил свою судьбу. Как уже говорилось, очень немногие из русских и даже современных советских и постсоветских писателей отчётливо знают то, о чём они пишут. Частично это бывает подражанием (жёсткие схемы у З. Прилепина похожи на Энтони Берджесса). Как ни странно, и В. Крестовский, и З. Прилепин пришли к «национальной идее».

Ещё несколько слов о биографии В. Крестовского: жизнь его мутила, колотила, – конечно, как дворянин, он далеко упасть не мог (Раскольников ведь тоже из дворян, а не разночинец, равно как и «князь Мышкин»). В своё время я читал статью Д. Филофова, в которой тот утверждал, что Достоевский – певец третьего сословия, т.е. разночинства, и достаточно едкий отзыв на неё Амфитеатрова. Последний заметил, что у Достоевского как персонажа нет **ни одного** сколько-нибудь значительного разночинца, а тем более представителя буржуазии, кроме несчастных Мармеладовых. Остальные все кающиеся, упадочные **дворяне**, которые как бы и выражают собой смысл русской жизни.

В. Крестовский был близким другом Достоевского. Как пишет в воспоминаниях А.Г. Достоевская (Сниткина), Крестовский часто заходил к ним на обед, на чашку чая, они часами беседовали с Фёдором Михайловичем. Суть вопроса в том, что эти беседы, равно как и размышления обоих этих писателей, которые смотрели на тогдашнюю политическую обстановку, возможно, гораздо глубже, чем представители царствующего дома, сводились к одному ключевому вопросу: «жид идёт»!

В то время мировая геополитическая ситуация, – отметим, что тогда над мировой Великобританской империей премьер-министром при королеве Виктории был Дизраэли, точнее: d'Израели – складывалась так, что России после поражения в Крымской войне оставалось полагаться только на собственные силы. Во внешнем мире у неё не было союзников. Вот в это время и происходит центральное действие главных романов В. Крестовского: дилогии «Кровавый пух» и трилогии: «Тьма египетская», «Тамара Бенда-

вид» и «Торжество Ваала»¹. Заново перечитывать эти романы мы предоставим тем читателям, которые заинтересуются постановкой этих вопросов. Они обнаружат удивительные аналогии между теми событиями – почти что полуторавековой давности – и современностью.

Например, то ли о большевиках 1917 года, то ли о «либералах» 2016 года: «Этих псов ведь только науськать надо, а уж грызть они пойдут сами! Кто таков в их глазах посланец? Правительство. Сегодня они кричат: “мы царские!” – завтра перестанут» (Цит. по изд. В. Крестовский, «Кровавый пух», т. 1, М., 1995, с. 75). По мнению В. Крестовского (мы не забываем, что в основном в этом его романе речь идёт о польской интриге): «Эмиссары делают своё дело и по корчмам пускают слухи, что московский царь ... душит и панов, и хлопов вместе; что паны рады бы дать хлопам и волю, и землю, да Москва мешает: москали не хотят воли» (там же, с. 76). Любой читатель сравнит это с ситуацией на Украине, тем более, что «кровопусканнице маленькое учинить нужно господам дворянам да собственникам, тогда и реформы сами собою явятся, а без того – всё комедь да сапоги всмятку!» (там же, с. 87). Так рассуждает один из героев В. Крестовского, леворадикал и нигилист, но мы-то теперь понимаем, насколько глубоко смотрел писатель в существо политических вопросов того времени и какой стала «отрыжка» через полтора столетия. В период 1860-х годов порой казалось, что главная политическая интрига идёт от «Царства Польского», но корни её были глубже.

Глядя из сегодняшнего времени, мы понимаем, что дело было не совсем так, но очень важны психологические приметы поведе-

¹ Из письма В.В. Крестовского начинающему литератору, поэту и публицисту А. Жиркевичу по вопросу о способе и методах творчества:

«...для „Трущоб“ я посвятил около девяти месяцев знакомства с трущобным миром, посещал камеры следственных приставов, тюрьмы, суды, притоны Сенной площади и пр. Чтобы написать “Кровавый пух” потребовалось не только теоретическое изучение польского вопроса по источникам, но и непосредственное соприкосновение с ним в самой жизни, что и дала моя служба в Западном крае и в Польше. Для “Дедов” пришлось по источникам изучать эпоху царствования Екатерины II и царствование Павла I. Наконец, для последней моей трилогии “Тьма Египетская” ушло до десяти лет на изучение библии, талмуда и проч., не говоря уже о личном, практическом знакомстве с еврейским бытом и миром, которое опять-таки далось мне жизнью и службой среди палестин Западного края. Но при всём этом первенствующее значение я даю никак не теоретической подготовке по источникам, а самой жизни, т. е. тем непосредственным впечатлениям, какие она на меня производит при знакомстве с нею, с бытом, типами и соотношениями в массе ежедневных соприкосновений с нею».

ния российских чиновников, которые не утратили ни малейшей актуальности и донныне.

«Но замечательнее всего, что все те, которые имели честь быть представлены графу (один из героев романа – поляк – Г. М.) в глубине души своей очень хорошо понимали и чувствовали, относительно себя, то же самое, что чувствовал к ним и граф Маржецкий, – словно бы, действительно, все они были варвары и татары пред этим представителем европейской цивилизации и аристократизма; и в то же время каждый из них как бы стремился изобразить *чем-то*, что он-то собственно сам по себе да и все-то мы вовсе не варвары и не татары, а очень либеральные и цивилизованные люди, но ... но... сила, поставленная свыше и т.д.» (с. 234).

Параллель с современной либеральной путинской политикой очевидна: нашим правителям надо всячески доказать, что мы тоже «Запад», тоже «культурны», а не варвары и не хулиганы. Лизание задне проходного отверстия в связи с завтрашним чемпионатом мира по футболу. Олимпиады уже просрали – прекрасный тому пример. Особенно важно, что тогдашнее, по мнению В. Крестовского, общество и нынешнее, по нашему мнению, либеральное сообщество пытаются сказать, что «они не варвары, а очень цивилизованные люди» (с. 236). С высокомерным презрением вот какая появилась тенденция (в те времена, а может, и в наши): «Ругать наповал всё, что носит на себе русское имя, давить всё, что отличается русскими симпатиями. Слово патриот стало у нас каким-то позорящим ругательством» (с. 260). При чтении эти строк, сто пятьдесят лет спустя, не возникло ли у вас ассоциаций с современной действительностью?

А вот ещё. Автор приводит некоторые цитаты (конечно, из тех же 1860-х годов): «“Times” и другие заграничные газеты то и дело печатали самые неутешительные корреспонденции из России, преисполненные затаённого злорадства: для них Россия представлялась теперь крепостью, под которую повсюду подведены пороховые мины, крепостью, которая сама себя подкопала» (с. 295–296). Современные рассуждения некоторых литераторов и политиков, например З. Бжезинского («Великая шахматная доска») как будто списаны с этих строк.

Или: «Пан Духинский уже громко проповедовал с кафедры, что мы, москали, не славяне, а какая-то презренная помесь финско-татарского племени, ублюдки азиатской семьи, дикие и варварские Тураны, грозящие гибелью славянству и европейской цивилизации» (с. 439). Сравним с некоторыми высказываниями

Петра Порошенко, который заявляет, что Россия – это генетический сброс финно-татарских племён. Любопытно, откуда тогда взялись именно у «украинцев» татарские хохлы (чубы) и турецкие зипуны?

Дальше В. Крестовский пишет, что среди либералов появились доносчики, литературные палачи, «из разных углов и щелей повыползали на свет Божий боксёры и спадасстины нигилизма, жандармы прогресса, будочники гуманности, сыщики либерализма» (с. 463). Уважаемый читатель, вам не вспоминается «Эхо Москвы»?

Но вот в чём одна из проблем, которую видит В. Крестовский: «Это было прямое и естественное следствие причин исторических, начиная с Гатчиновщины, аракчеевщины и кончая тридцатилетним гробовым молчанием. (То есть царствование Николая I – Г. М.)

Это была расплата за прошлое» (с. 472).

Спросим себя, теперешняя олигархически-путинская возня не есть ли это расплата за то же самое, за жуткие сталинские времена и преступную хрущёвскую «оттепель». Я ещё раз подчёркиваю, что пишу о романах Крестовского не для того, чтобы лишний раз порекомендовать их читателю, а потому, что они написаны с глубоким смыслом и с неким «наставлением» грядущим поколениям. Опыт его жизни позволил ему осознать политические проблемы современного ему общества и отразить в романах даже во многом яснее, чем это удалось Ф. Достоевскому или Л. Толстому.

* * *

Нельзя сводить русскую философскую мысль к абстрактным религиозно-философским понятиям. Глядя с современной точки зрения, представим себе, что Родион Раскольников был бы каким-нибудь «Магомедом Нурпеизовым»? Как бы выглядела тогда «нравственная» борьба, и особенно, как бы его преследовал в этом случае Порфирий Петрович; пошёл бы упомянутый Магомед к своим, допустим, трём жёнам вместо Сонечки Мармеладовой? И в чём бы он стал перед ними раскаиваться? В том, что не подорвал пояс шахида? Достоевскому такие сюжеты, конечно, не приходили в голову. Время было другое. Но В. Крестовский кое-что предвидел в будущем.

Второй том «Кровавого пуфа» посвящён исследованию логики революционных событий. Нам это особенно интересно с точки зрения теперешних претензий Польши совокупно с Украиной на определённые государственные границы и территории. Вот как рассуждают в романе герои-сепаратисты: «Во-первых, – торже-

ственно и авторитетно начал он (пан Копец – Г. М.), отыскав, наконец, то чего ему хотелось, – во-первых, Курляндия была наша?

– Так. Под протекторатом нашим, – подтвердил пан Хончевский.

– Всё равно, значит наша! Значит, без Курляндии нам невозможно. Во-вторых, – Псков.

– Псков?! – удивлённо выпучили на Копца глаза свои чуть ли не все присутствующие.

– Псков, непременно Псков! И не иначе! – не смущённо подтвердил он. – В-третьих, Смоленск, – и как тот, так и другой со всей их территорией. Далее на юг, по течению Днепра вплоть до Чёрного моря. Днепр – река польская, а без моря нам невозможно. Словом: от моря и до моря. Вот моя граница, и на иную я не согласен!» (т. 2, с. 97–98).

Читатель может обратить внимание, что теперешние притязания так называемого Украинского государства распространяются примерно в этом же направлении.

Ещё Крестовский ясно говорил, что поляки с украинцами найдут общий язык. В этом романе, – его можно поставить в ряд с «Войной и миром» Толстого, – прослеживается ещё одна важная мысль, а именно: за спиной сепаратистов стоит ещё одна более важная сила – международное «красное либерально-коммунистическое движение». Его суть понята героями Крестовского. Один из них даёт определение, которое, можно сказать, относится прямо к сталинской эпохе: «В каждом из них сидит свой маленький Аракчеев, граф Алексей Андреевич, который “без лести предан”, и вся их гуманность не простирается далее идеального устройства аракчеевских военных поселений; они весь мир готовы бы обратить в социально-коммунистическое военное поселение, над которым каждый из них был бы графом Алексеем Андреевичем» (т. 2, с. 206).

Суть дела в том, что «революционеры» как того времени, так и нашего, как «белые» (т. е. магнаты, олигархи, сепаратисты), так и «красные» (т. е. всякий сброд, науськанный из-за границы), имеют одну общую цель: разрушение русского государства и русского народа. Один из главных положительных героев романа Хвольнцев в ответ на проповеди одного из своих антагонистов-революционеров с горечью признаёт: «Я теперь с болью, но воочию убедился, что враг ваш не правительство, а русский народ, русский смысл, весь склад русской народной, земской и государственной жизни» (т. 2, с. 258).

Необходимо обратить внимание на одну интересную деталь. Все эти упомянутые «сепаратисты» и «социалисты» чрезвычайно любили словосочетание «красные дьяволы»: «А хорошо бы, в самом деле, назвать эскадрон “адской колонной”, или “красными чертями”... а?... “Красные черти” – ей-Богу, недурно! В одном названии уже какая сила и выразительность!» (т. 2, с. 429). Кто из нас не знает целую серию брошюр и фильмов с названием «Красные дьяволята», вышедшую в 1920-х годах. Если кто не помнит, загляните в Интернет, – ой, как глубоко растут корни у нашей революционной идеологии!

Разумеется, сколько-нибудь полно обозреть обширный и многоходовый роман в небольшой статье невозможно. Хотелось бы привлечь внимание читателя к этому значительному явлению русской литературы. Обратим взор и ещё на одну важную особенность, свойственную, как этому, так и другим романам В. Крестовского. Автор не только досконально знает описываемые события, но и постоянно вводит в текст документальные материалы, подчас с библиографическими ссылками. Хочется привести одну из них. Известный в своё время революционер-анархист П. Ж. Прудон (кстати, ярый противник Маркса и так называемого марксизма) так писал о польском восстании 1862–63 гг.: «Польша идёт наперекор всем соображениям... Её мнимая цивилизация в средние века есть не более как восточная роскошь, её литература – подражание латинистам, её республика, с терминами, заимствованными у древнего Рима – лишь оперная декорация; её набожность – отчаянное ханжество... Дворянские предрассудки доведены до ребячества, до безумия; отсутствие дисциплины возведено в требование чести; все понятия извращены, и вы видите поляков то лжероялистами, то лжеаристократами, то лжедемократами, то лжекатоликами, то лжепротестантами, то лжеревolucionерами, как были они лжедворянами; они останутся верными только иезуитам» (т. 2, с. 562). А цель всего этого: «... обеспечение торжества промышленного феодализма, царства жидов» (т. 2, с. 563). Этой печальной цитатой практически и заканчивается роман В. Крестовского «Кровавый пух». Но о «царстве жидов» будет написан и его следующий роман-трилогия, к рассмотрению которой мы и переходим.

* * *

Самые значительные романы В. Крестовского, в том числе и эта трилогия, посвящены существеннейшей для России проблеме – еврейскому вопросу. Сразу скажу: я далеко не сторонник истово-православной веры, но общая мысль трилогии совершенно

очевидна: христианство разрушается и гибнет (вместе с ним гибнет и вся страна, по мнению В. Крестовского), еврейство в его исконно канонических традициях крепнет и мало-помалу завоёвывает почти что разлагающееся российское государство. Обратим внимание на то, что герои романа «Кровавый пуф» действовали в начале Александровских реформ, т. е. в начале 1860-х годов, а персонажи «Тьмы египетской» и других романов трилогии живут и действуют в период русско-турецкой войны 1876–1877 гг. и позже.

Автор удивлял и своих современников, и теперешних читателей тем, что всегда был на поле битвы. Хотя он прожил сравнительно недолго – 55 лет, – но успел побывать и в бандитских притонах Петербурга, и среди польских экстремистов, а, будучи на Западной Украине, хорошо познал нити еврейской «мафиозности» (это слово мы добавляем от себя – Г. М.), которая в те годы называлась властью кагала: «Направляющие этой жидовской демонстрации, очевидно, протягивались сюда из-за границы, где расчёт двойной игры был ясен: если испугается русское правительство движения, охватившего его народ, и отступится от славянского дела, – оно станет крайне непопулярным, антипатично у себя дома, а престиж России в славянстве и вера в неё на всём христианском Востоке будут надолго, если не навсегда, подорваны» (Цит. по тексту: В. Крестовский «Тьма египетская. Тамара Бендавид. Торжество Ваала». Роман-трилогия, М. 1993 г., т. 1, с. 339).

Применяя эти рассуждения к сегодняшнему дню, мы смело можем сказать, что так называемое славянское братство – просто абсурд, особенно если вспомнить участие государств Сербии, Хорватии и Болгарии в последних войнах.... Автор, конечно, ещё не знал, что все, так называемые «славянские государства» в дальнейшем Россию предадут и во всех грядущих мировых войнах выступят против неё. В те времена, то есть 1860-70-е годы, было принято рассуждать об общих славянских делах. Тогда не существовало НАТО, когда были подкуплены целиком правительства, а не только отдельные сыщики, о которых пишет В. Крестовский.

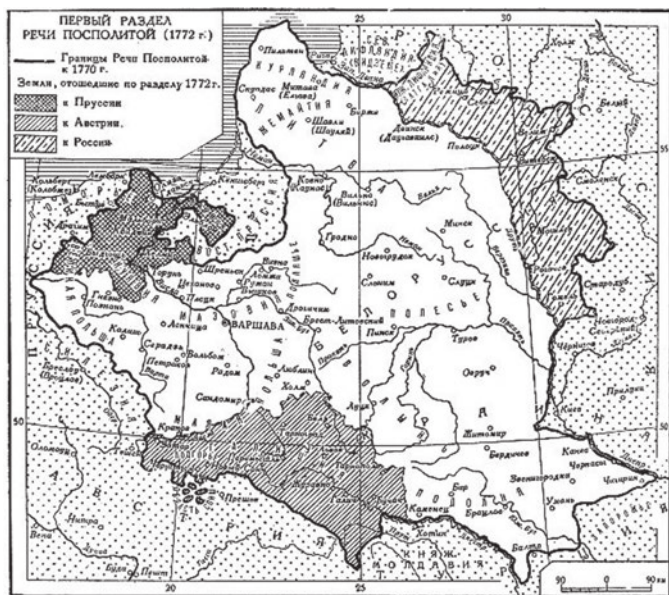
Общая суть рассматриваемой трилогии состоит в том, что честная еврейская девушка Тамара Бендавид решает порвать с еврейской религией и выйти замуж за своего первого кавалера, тоже не русского человека, а когда он оказывается непорядочным человеком, уйти работать сельской учительницей. Трилогия обрывается на полуслове, почему – нам неизвестно. Автор прожил после этого больше десяти лет, но так и не дописал этот роман. Но всё-таки вернёмся к его содержанию.

Подчёркиваю параллели тех и наших времён: «В это же время (1875 г. — Г. М.) крайнее неудовольствие против той же России проявляли и Сербия, и Румыния, и Греция, пальца о палец не ударившая, чтобы помочь в войне за освобождение балканского христианства» (с. 476).

Или ещё. Речь идёт о «роли Румынии как передового моста Европы против “московского варварства”» (с. 477). Уважаемый читатель, не вспоминается ли вам участие Румынии во Второй мировой войне против России, где она выступила «передовым агентом» против «московского варварства»?

В этих книгах больше всего удивляют потрясающие исторические параллели. Но не во всём можно согласиться с автором. Он выступает как борец с польским сепаратизмом, который утверждает, что Польша должна быть воссоздана в границах 1772 года. Но вот тут-то и возникают разные интересные вопросы.

На карте первого раздела Речи Посполитой 1772 года (карта 1) ясно обозначены исконно русские территории, которые даже после первого раздела не вошли в территорию Российской империи. И даже тогда оставшаяся часть Польши продолжала существовать в границах от Балтийского моря до Турции. Под её оккупацией находились значительные немецко-пруссские территории на

Карта 1

севере Балтики, не говоря уже о большей части Украины и Белоруссии. Кстати, а был бы президентом Беларуси батько Лукашенко, если бы Польша вернулась к границам 1772 года? Вся территория «Беларуси» была польской. Во время наполеоновских войн, особенно русско-французской, которую Наполеон в некоторых документах называл Второй польской войной, было создано некое Варшавское герцогство (карта 2).

Карта 2

И вот, наконец, последний этап воссоздания польского государства, то есть после 1945 года (карта 3). Обратим внимание, что Сталин, планируя новую карту Европы, сохранил восточную границу Польши по линии прежних договоров, а также по так называемой линии Керзона. Зато на севере и на западе к Польше были прирезаны исконно немецкие территории: северная Пруссия и Силезия, причём немецкое население – более миллиона человек – было буквально на протяжении нескольких суток вышвырнуто с этих территорий. Мы даже не имеем в виду репрессированных и расстрелянных.

Карта 3

Вообще почему, хоть панская Польша, хоть теперешняя должна простираться от моря до моря? (Об этом мы уже писали выше при рассмотрении романа «Кровавый пуф» – Г. М.). Так думали не только некоторые герои В. Крестовского, но и Ю. Пилсудский. А Сталин, как уже отмечалось, думал по-другому: в результате победы над Германией к Польше были присоединены исконно немецкая территория Силезии, только для того, чтобы унижить немцев и восстановить восточную границу Польши по линии Керзона. Таким образом, историческая принадлежность некоторых областей Белоруссии и Западной Украины стала как бы под вопросом. Лемберг – Львов, Станислав – Ивано-Франковск... Обратим внимание, что просто «Франковском» его нельзя было назвать во избежание ассоциаций с генералиссимусом Франко.

Возможно, мы отклонились от основной темы, которая, впрочем, удивительным образом корреспондируется с нашей жизнью через полтора века. Главное из этого: влияние тёмных сил и закулисных интриг, которые управляют внешне яркими и респектабельными политиками.

Например: «Главным действующим лицом, блестящим героем, деятельным фактором и авторитетным вершителем на конгрессе (речь идёт о конгрессе по поводу русско-турецкой войны – Г. М.) явился не князь Бисмарк, удовольствовавшийся для видимости скромной ролью “честного маклера”, а возведённый в сан лорда Биконсфильда Бенъямин д’Израэли (у нас в советское время его

было принято именовать Дизраэли – Г. М.), – и одной из первейших забот его было доведение до счастливого конца стремления отстоять полное гражданское равноправие и свободу эксплуатации для евреев в Румынии, Сербии и в прочих вновь возникающих политических организациях на Балканском полуострове» (Трилогия «Тьма египетская...» т. 1, с. 478).

Вся политика упомянутого д'Израэли особенно в период русско-турецкой войны, клонилась к всяческому ослаблению влияния России на Балканском полуострове. «В конце концов, выходило, что мы дрались как бы за тем только, чтоб отдать во власть Австрии славян, даже и тех, которые пользовались относительной свободой, да ещё для того, чтобы предоставить евреям полную свободу эксплуатации всех этих христианских народностей, до сих пор не знавших ещё этой язвы египетской» (там же, с. 478–479).

В. Крестовского часто обвиняют в его якобы антипольской и антиеврейской деятельности. Это совсем не так. Действительно, он был писателем из лагеря «охранителей». Он прекрасно понимал, что разложение тогдашней России начинается не с пресловутого «хождения в народ», что пропагандировали Чернышевский и его друзья, а с «хождения в правительство»: «Чем “ходить в народ”, надо “идти в правительство”, – серьёзно и веско отчеканил ему Охрименко» (т. 2, с. 188). Охрименко в романе один из ярких представителей «оппозиции». Тут можно по аналогии вспомнить ещё один литературный труд. Вместо «хождения в народ» один из наших замечательных литературно-политических героев (А.А. Собчак) написал книгу «Вхождение во власть». Не в народ надо идти, а во власть, а там видно будет.

Что же это значит? «Коли надо для тех же целей “Боже Царя храни” петь, – пой, пой громче других и ори восторженное “ура” во всю глотку» (там же, с. 188). Суть дела не в том, чтобы бунтовать, а в том, чтобы разложить власть изнутри, и вот тогда воспрянут все антирусские, русофобские силы.

В заключение буквально несколько слов. Имя Всеволода Крестовского вспомнилось только в период перестройки и то, только благодаря телеэкранизации «Петербургских трущоб». Но сегодня его главные сочинения как никогда актуальны, особенно в связи с теперешними конфликтами в Турции и возможной натовской агрессии с запада. Изучение прошлого всегда полезно для современников.